

1903), «Имадедин Столп веры» (Тобольск, 1907), «Миссионерско-христианская апологетика» (СПб., 1910).

Однако благородная, на первый взгляд, работа представителей Тобольской епархии мало способствовала развитию просвещения среди татарского населения. Она была направлена в основном на распространение христианства среди правоверных инородцев, и издаваемая ими литература не могла быть широко применена в татарских учебных заведениях, которые полностью находились в ведении мусульманского духовенства.

Таким образом, несмотря на определенные трудности, — отсутствие полиграфической базы на арабской графике, ограничение печати мусульманской литературы, еще со времен средневековья в Сибирском крае начала создаваться печатная продукция для культурного просвещения народа, в которой находят свое отражение реальная действительность, жизнь и быт людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Валеев Ф. Т., Томилов Н. А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996.
2. Гарифуллин И. Б. Очерки истории татарского населения Тюменской области. Тюмень, 2001.
3. Данилов В. Л. Из истории мусульманской книги в Сибири в XIX — начале XX вв. Гуманитарные науки в Сибири. СО АН РФ. Новосибирск, 2004. С. 38-42.
4. Ислам на территории бывшей Российской империи: энциклопедический словарь. М., 1998. Вып. 1.
5. Сборник хикаятов. Средневековая татарская проза. Казань, 1994.
6. Татарская периодическая печать начала XX в. Казань. 2000
7. Файзрахманов Г. Л. О литературной жизни сибирских татар в XVII–XIX вв. // VII Сулеймановские чтения. Тюмень. 2004. С. 86-88.
8. Ярков А. П. О становлении книжной культуры в Западной Сибири. Современные библиотеки в инновационном образовательном процессе. Тюмень, Изд-во ТюмГУ, 2004.
9. Яхин Ф. З. Тобольский татарский поэт Амдами и его произведение «Насихатнамэ» («Книга наставлений») — Тюркские народы. М-лы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск. 2002. С. 601-602.

*Анатолий Сергеевич БАРАБАШ—
доцент кафедры уголовного процесса
Красноярского госуниверситета,
кандидат юридических наук*

УДК 345. 075

МЕСТО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется содержание ст. 6 УПК РФ, говорящей о назначении уголовного судопроизводства. Работа с текстом статьи 6 УПК РФ приводит автора к выводу о том, что, определяя назначение уголовного судопроизводства, законодатель выводит его за рамки уголовного процесса, показывая, для чего он нужен — это свойство связывается с результатом реализации норм уголовного процесса. Он нужен в первую очередь для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления.

The provisions of the article 6 of Criminal Procedure Code of Russian Federation, formulating the role of criminal procedure, is analysed in this article. On the basis of analysis of the article 6 of CPC of RF the author makes the following conclusion: by

defining the role of criminal procedure, a legislator poses it out of the frameworks of criminal process, illustrating what it is needed for. This quality is connected with the result of execution of criminal procedural norms. It (criminal process) is necessary for protection of rights and interests of natural and legal persons, victims of crimes.

В процессуальной литературе предшествующего периода для понимания сущности уголовного процесса выяснялось содержание и соотношение двух понятий «цели уголовного процесса» и «задачи». В редких источниках авторы пытались понять, в чем назначение уголовного процесса, сводя его зачастую к целям [1]. Законодатель, формулируя статьи нового уголовно-процессуального кодекса, отказался от определения задач, не говорит о целях, зато в ст. 6 пишет о назначении уголовного судопроизводства. Оно ему видится в следующем: в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. В этой статье содержится и вторая часть, в которой говорится о том, что «Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию». Определяя назначение уголовного судопроизводства, законодатель выводит его за рамки уголовного процесса, говоря о том, для чего он нужен — это свойство связывается с результатом реализации норм уголовного процесса. Он нужен, в первую очередь, для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления. Той же логике подчинен и материал п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК, если его содержание анализировать совместно с содержанием ч. 2 ст. 6, которая ничего нового в понимание назначения уголовно-процессуальной деятельности не вносит. По сути, там разворачивается одно из мест первой части, где говорится о защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Данное решение вопроса о назначении уголовного судопроизводства свидетельствует о реализации законодателем, в определенной мере, системного подхода, когда правовые явления рассматриваются во взаимосвязи с социальными, выявление которых и позволяет понять сущность уголовного процесса.

Вводя в уголовно-процессуальный кодекс новое понятие, законодатель акцентирует внимание правоприменителей на том, для чего нужна обществу, гражданам их деятельность. Материально-правовое назначение уголовного процесса является, безусловно, важным и определяющим, но только им назначение уголовного судопроизводства не исчерпывается. Статье 6 УПК имплицитно еще одно содержание. Это назначение из подразумеваемого, невыраженного следует сделать четким и доступным для каждого правоприменителя. Обществу небезразлично, каким образом в рамках процесса выявляются и защищаются материально-правовые интересы. В данном случае речь идет о том, что не все средства хороши для достижения цели. Фиксация в законе прав участников процесса, необходимость их соблюдения, определяет границу возможного для совершения органами государства действий по расследованию и рассмотрению уголовного дела.

История развития каждого народа отражается в уголовном процессе как развитие механизмов ограничения возможности произвола со стороны органов государства. Показателен в этом плане один из эпизодов. В середине XVIII в. капитализм во Франции занимал уже довольно прочные экономические позиции, но феодальные общественные отношения затрудняли дальнейшее развитие капиталистического уклада. Буржуазия оставалась отстраненной от политической жизни страны и бесправной. Промышленность и торговля облагались значительными налогами и сборами, шедшими в основном на содержание дворянства. Правительство неоднократно про-

водило так называемое «выжимание губок»: разбогатевшего предпринимателя под каким-либо предлогом, большей частью незаконным, заточали в тюрьму и отпускали лишь после внесения им значительного денежного взноса. В условиях полного политического бесправия народных масс имели место вопиющие злоупотребления должностных лиц: пытки, бессрочное тюремное заключение, незаконная конфискация имущества были повседневным явлением деятельности феодальной администрации, суда. В силу этого особо важным для победившей буржуазии было оградить себя от произвола и злоупотребления со стороны административных органов, закрепить гарантии личных прав и свобод. Как закрепление результатов буржуазной революции, в 1789 г. Учредительное собрание Франции приняло важнейший конституционный документ того времени: «Декларацию прав человека и гражданина». Много места в Декларации было отведено установлению в стране законности и правопорядка. В частности, в ст. 7 Декларации говорится: «Никто не может быть подвергнут обвинению, задержанию или заключению иначе как в случаях, предусмотренных законом и при соблюдении форм, предписанных законом». Это положение ограждало граждан от незаконного задержания и привлечения к уголовной ответственности. Но составители Декларации были бы непоследовательны, если бы остановились на этом и отдали осуществление правосудия в руки как судебных, так и административных органов, что и было до революции. Они исходили из того, что правовое положение суда, его функции и строго определенный порядок деятельности создают такие преимущества в обеспечении правильного применения норм и укрепления законности в стране, которые не может дать ни одна форма государственной деятельности. Это положение и было закреплено в ст. 9 Декларации прав человека и гражданина: «Так как каждый человек предполагается невиновным, пока его не объявят по суду виновным, то в случае необходимости его ареста всякая строгость, которая не является необходимой для обеспечения (за судом) его личности, должна быть строго караема законом».

То, что произошло во Франции в XVIII в., актуально для России и в наше время: тоталитарное прошлое живо в памяти многих россиян. И совершенно нелишне в этой ситуации, для того, чтобы прошлое вновь не стало настоящим, внедрить в сознание сотрудников правоохранительных органов понимание того, чему они должны служить. В этом плане ценность процесса для общества, социальное назначение его заключается в подчинении деятельности органов государства при расследовании и рассмотрении уголовного дела интересам защиты и реализации прав участников процесса. Это сугубо процессуальное назначение оформляет уголовно-процессуальную деятельность, задает ей рамки, границы вторжения органов государства в защищаемые Конституцией права человека и гражданина, определяет основания, при котором это становится возможным. Таким образом, законодатель видит назначение уголовного процесса в том, чтобы оградить граждан от произвола со стороны органов государства. Новое время по-другому расставило акценты. Не человек для власти, а власть для человека — вот новый смысл, отраженный в ст. 6 УПК РФ.

Рассматривая вопрос о назначении уголовного процесса с подачи законодателя, мы в первую очередь вели речь о том, что связано с защитой прав и законных интересов граждан. Такой акцент вполне оправдан, но можно ли только к этому свести назначение уголовного судопроизводства? Уголовный процесс, в той или иной форме, существовал задолго до того, как члены общества осознали ценность прав человека и гражданина, следовательно, он имел значение до и помимо выявленного. Оно как тогда, так и сейчас, состоит в том, что процесс необходим государству и обществу как средство, используя которое становится возможным защитить общие интересы, уберечь общество от преступных проявлений. Это достигается тем, что государство возлагает на свои специально созданные органы обязанность в каждом случае совершения преступления возбуждать уголовное дело, расследовать и

рассматривать по существу. Забывая это назначение, мы из одной крайности, свойственной советскому периоду развития уголовного процесса, когда при реализации уголовно-процессуальной деятельности превалировали государственные интересы, бросаемся в другую, видя назначение уголовного процесса только в соблюдении частных интересов. В советское время процесс был официальным, должен ли он сейчас стать частным? Думается, нет. Задача законодателя — не выпячивать одно назначение за счет другого, а найти между ними разумный баланс [2], который и сделает процесс по-настоящему публичным. Баланс между указанными назначениями зависит от соотношения сил общества и государства: там, где государство всевластно, где отсутствует оппонент, судьба первых из обозначенных начал может быть незаметна; ситуация меняется, когда общество консолидируется. Следовательно, и это назначение должно быть закреплено в законе.

Итак, нами уже выявлено три назначения уголовного судопроизводства. Рассмотренные назначения в той или иной мере присущи любому процессу, но в демократическом обществе подлинной ценностью должен стать каждый человек, что должно находить отражение и в уголовном процессе. Для того чтобы понять, о чем идет речь и в этом случае, мы должны выйти за рамки уголовного процесса, сделать предметом анализа систему криминалистических отраслей права с позиций тех ожиданий, которые должны возлагаться на них обществом. Такой анализ приводит к выводу о том, что результатом применения норм этих отраслей должно быть возвращение в общество человека, принявшего его ценности, социализированного. Подобного результата не добиться в рамках уголовного процесса, поскольку о воспитательном воздействии можно говорить тогда когда достоверно установлен факт совершения преступления, и лицо, совершившее его. Реализация норм уголовного процесса создает основания, дает материал для криминалистических отраслей права, использование которого в их рамках должно соответствовать ожиданиям общества. Следовательно, еще одно назначение уголовного судопроизводства заключается в том, чтобы создать условия, обеспечить такую возможность применения норм уголовного и уголовно-исполнительного права, в результате которого у лица, совершившего преступление, было бы сформировано чувство ответственности [3].

Все предложенные назначения уголовного судопроизводства можно принять только в том случае, если они не противоречат, взаимодействуя друг с другом, отражают весь спектр ожиданий, которые возлагаются обществом на реализацию норм уголовного процесса. Сформированное у правонарушителя чувство ответственности и в интересах последнего, так как позволяет ему успешно строить свою жизнь в социуме, не подвергаясь мерам принуждения. Чтобы быть правильно понятыми, подчеркнем, что сформированное чувство ответственности у правонарушителя — это то назначение, которое должно быть реализовано в рамках системы криминалистических отраслей права. В уголовном процессе оно не реализуется, его назначение — создать оптимальные условия для этого.

Настало время предложить новую редакцию ст. 6 УПК РФ. Итак:

1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:

1) создание условий для защиты материальных прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, совершивших эти преступления;

2) создание условий для формирования в последующем у лица, совершившего преступление, чувства ответственности.

2. Назначение уголовного судопроизводства заключается также в том, что:

а) оно используется как средство реагирования на каждый факт совершенного преступления, средство его раскрытия и судебного рассмотрения;

б) как средство защиты граждан от произвола органов государства при осуществлении последними уголовно-процессуальной деятельности.

Предложенная редакция ст. 6 и ее обоснование находят определенное подтверждение в тексте ст. 2 одного из проектов УПК Российской Федерации. Авторы проекта видели назначение процесса «в защите личности, общества, государства от преступлений путем восстановления нарушенного преступлением правопорядка; защите личности и общества от злоупотреблений государственной властью и самоуправных действий в связи с совершенным или предполагаемым преступным деянием, в частности, защиту каждого от произвольного, помимо надлежащей правовой процедуры, применения к нему мер процессуального принуждения и других средств государственной власти» [4]. Приведенный текст почти полностью укладывается в содержание ч. 2 предлагаемого нами проекта ст. 6 УПК. Но именно это «почти» заставляет нас сделать оговорку. Используя уголовный процесс как средство защиты личности, общества и государства от преступлений, вряд ли правильно возлагать на него надежды как на средство восстановления нарушенного правопорядка. Если отвлечься от последствий преступлений и вспомнить, что любое преступление рвет сложившиеся в обществе позитивные связи и отношения, то и здесь о восстановлении правопорядка средствами уголовного процесса не приходится говорить.

Выше уже говорилось о том, что очень немногие авторы специально обращались к исследованию социального назначения уголовного судопроизводства. В наиболее завершенном виде понимание назначения уголовного судопроизводства мы находим в одной из статей Н. Г. Стойко. Правильно считая, что социальное назначение уголовному судопроизводству задается уголовным правом, он выделяет такие назначения как: а) реагировать на преступления; б) восстанавливать справедливость; г) урегулировать криминальные конфликты [5]. Здесь следует обратить внимание на то, что урегулировать криминальные конфликты можно, только восстановив справедливость. Эти моменты неразрывно связаны друг с другом, поэтому достаточно было выделить что-либо одно. Но более правильно было бы говорить не об урегулировании криминальных конфликтов, а об урегулировании последствий криминальных конфликтов. Урегулировать то, что уже произошло, невозможно. Возможность урегулирования последствий конфликтов в процессе не является всеобъемлющей и допустима только по делам, не представляющим большой общественной опасности, когда затронуты в большей мере частные, а не общие интересы, в силу чего и допускается примирение между потерпевшим и обвиняемым. Главное, что необходимо сделать в рамках процесса — установить моменты, значимые для предотвращения конфликтов в будущем, но это назначение имеет самостоятельный характер, не укладывается в анализируемое и должно отдельно формулироваться. Все сказанное позволяет нам утверждать, что из предложенных Н. Г. Стойко назначений уголовного судопроизводства можно оставить только одно.

Выявленные назначения позволяют определить место уголовно-процессуальной деятельности в социальной жизни общества и государства. Оправдание существования уголовного процесса заключается в соответствии результата уголовно-процессуальной деятельности и самой деятельности тем ожиданиям, которые с ним связаны. Уловив настроение общества, законодатель должен был четко прописать цели уголовно-процессуальной деятельности. Это необходимо в силу того, что отфиксированное в сознании понимание назначений уголовного судопроизводства отражает мировоззренческую установку, с которой деятель должен подходить к реализации деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя. Красноярск, 1997; Володина Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999; Стойко Н. Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. Вып. 13. 2000.

2. Бойков А. Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе 1990–1996 гг. // Издательство НИИ «Проблем укрепления законности и правопорядка»: М., 1997. С. 63.

3. Барабаш А. С. Сущность уголовного процесса и его роль в формировании ответственности правонарушителя // Красноярск, 1997. С. 8-47.

4. См. Проект общей части УПК Российской Федерации // Государственное Правовое управление Президента Российской Федерации. М., август 1994.

5. Стойко Н. Г. Новое уголовно-процессуальное право России и проект уголовно-процессуального кодекса РФ // Российский бюллетень по правам человека. 2002. № 4. С. 85.

Василий Иванович АЛЕКСЕЕВ —
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
кандидат исторических наук

УДК 343.812(947+957)

ССЫЛКА НА КАТОРГУ КАК УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ С ЭЛЕМЕНТАМИ ПРОГРЕССИВНОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ (1879-1900 ГГ.)

АННОТАЦИЯ. В пореформенный период в июле 1879 г. применяется прогрессивная система наказания, основанная на заслугах преступников. Эта система заключала в себе три ступени: карательная, исправительная, испытательная. Преследуя исправительные цели наказания, государство в течение более или менее продолжительного периода лишения свободы создает в местах заключения условия, препятствующие совершению новых преступных деяний.

In the reform period of July 1879, a progressive system of punishment based upon criminals' desert was used. The system included three stages: punitive, corrective, and trial. The state, pursuing corrective objectives of punishment during more or less long term of imprisonment, provides conditions in the places of detention aimed at preventing criminals to commit new crimes.

В пореформенный период происходит совершенствование тюремного законодательства под влиянием закона от 11 декабря 1879 года [1]. В 1885 г. появилась очередная редакция Уложения о наказаниях. Правовое регулирование исполнения уголовных наказаний осуществлялось на основании Устава о ссыльных 1890 г. и по разновременным изданным циркулярным распоряжениям министров внутренних дел, юстиции и начальника Главного тюремного управления. В пореформенный период, как свидетельствует уголовно-пенитенциарное законодательство, применяется прогрессивная система исполнения наказания. Большое разнообразие приемов и средств тюремной деятельности в местах каторжного заключения было направлено на достижение целей уголовного наказания, в частности, предупреждение преступности, исправление заключенных и безопасность общества. Преследуя исправительные цели наказания, государство в течение более или менее продолжительного периода лишения свободы создает в местах заключения условия, препятствующие совершению новых преступных деяний. Применяемое с этой целью устрашение при исполнении наказания в пореформенный период характеризуется не столько тяжестью наказания за каждое преступное деяние, сколько его неизбежностью. При соблюдении этого условия выполняется главная и существенная задача всего уголовного правосудия — поддержание авторитета закона. Таков лейтмотив преобразований уголовных наказаний, что и было и изложено в законе от 11 декабря 1879 года.